

УДК 343.126.7

DOI 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).1.075-078

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
Республика Беларусь, e-mail: law@bsu.by;

ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА БУДАНОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоохранительной деятельности,
уголовного права и процесса института права и экономики,
Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Для цитирования

Шабанов, В. Б. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий: проблемы реализации / В. Б. Шабанов, Л. Ю. Буданова // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Т. 15(1–4), № 1. – С. 75–78. – DOI : 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).1.075-078.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий к подозреваемым или обвиняемым, такие как зачет срока меры пресечения в срок отбывания наказания, разграничение домашнего ареста и запрета определенных действий. Анализируются проблемы, возникающие в деятельности уголовно-исполнительных инспекций по контролю за подозреваемыми обвиняемыми, в отношении которых судом избраны данные меры пресечения. Делается вывод о том, что необходимо расширить взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел, а также нормативно закрепить соответствующий показатель их совместной деятельности по контролю за мерами пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, уголовно-исполнительная инспекция.

Уголовная политика демократического государства, направленная на гуманизацию и расширение сферы применения наказаний без изоляции от общества, обуславливает необходимость реформирования уголовно-процессуального закона, в том числе в области применяемых к подозреваемым или обвиняемым мер пресечения.

© Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Избрание судами подозреваемым или обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу в последние годы неуклонно снижается. Так, за 1-е полугодие 2019 г. судами избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении 47 951 подозреваемого или обвиняемого, а в 1-м полугодии 2018 г. – в отношении 51 811 (данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru>).

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» существенно изменил применение ранее действовавших мер пресечения и ввел в действие новую. Таким образом, подходы к избранию судом мер пресечения, а также их определение подверглись пересмотру законодателем.

Так, если ранее мера пресечения в виде домашнего ареста предусматривала полную или частичную изоляцию лица от общества в пределах жилого помещения, то в настоящей редакции нормы законодатель устанавливает только полную изоляцию, также с доставкой лица на следственные или процессуальные действия на транспорте уголовно-исполнительной инспекции. В свою очередь, запрет определенных действий предусматривает частичную изоляцию в пределах определенного жилого помещения, так как на подозреваемого или обвиняемого может быть наложен запрет выходить в определенное время за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях [3, с. 49]. Законными основаниями проживания в жилом помещении в практической деятельности признаются и найм помещения без соответствующей регистрации такого договора в регистрационной палате, а также совместное проживание с сожителями без соответствующей регистрации в помещении, то есть фактическое предоставление. Использование стационарных средств контроля также разрешено в таких помещениях по аналогии с домашним арестом, однако в практической деятельности лица, проживающие совместно с подозреваемым или обвиняемым, которому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или запрета определенных действий, заявляют о нежелании подключать в помещении такие устройства и ссылаются на возросшую оплату электроэнергии за их использование.

Кроме того, частичная, а не полная изоляция подозреваемого или обвиняемого обуславливает возможность применения запрета определенных действий на максимальный срок, больший относительно домашнего ареста (в отношении подозреваемых, обвиняемых в особо тяжких преступлениях – до 36 месяцев). В уголовно-процессуальном законе не установлен порядок зачета меры пресечения в виде запрета определенных действий в итоговый срок наказания, что влечет за собой отсутствие единого подхода к исчислению сроков наказания при зачете мер пресечения [4, с. 22] и может привести к применению частичной изоляции лица, полностью схожей с домашним арестом в редакции ст. 107 УПК РФ до принятия Федерального закона № 72-ФЗ, без зачета в срок отбывания наказания. Представляется целесообразным при установлении частичной изоляции от общества в виде запрета покидать жилое помещение определенное время законодательно установить зачет такого времени в срок наказания по аналогии с домашним арестом, а при запретах, касающихся только воздержания от определенных действий, например, управлять транспортным средством – зачета не производить.

Тем самым мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет собой частично домашний арест до внесения изменений Федеральным законом от

18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, а частично – уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, может применяться к более широкому кругу подозреваемых или обвиняемых и позволяет без зачета ее срока в наказание и доставки лица за счет бюджетных средств добиться схожих с домашним арестом условий изоляции.

Следует отметить проблематику в конструкции нормы ст. 105.1 УПК РФ относительно возможности применения сразу нескольких мер пресечения, так как к подозреваемому или обвиняемому, которому избран домашний арест или залог, может быть применен один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, что противоречит ст. 97 УПК РФ об избрании в отношении указанных лиц только одной меры пресечения [1, с. 118].

Относительно осуществления контроля за мерой пресечения в виде запрета определенных действий у уголовно-исполнительных инспекций отсутствует инструкция его применения к подозреваемым или обвиняемым. В практической деятельности такой контроль и документационное обеспечение осуществляются по аналогии с домашним арестом, несмотря на норму, содержащуюся в п. 11 ст. 105.1 УПК РФ, согласно которой «порядок осуществления такого контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации».

Таким образом, отсутствие соответствующих инструкций у уголовно-исполнительной инспекции по контролю за мерой пресечения в виде запрета определенных действий и ее применение по аналогии с домашним арестом может фактически «заменить» домашний арест, так как позволит подозреваемым или обвиняемым, страдающим определенными заболеваниями, посещать медицинские учреждения, самостоятельно являться по вызову следователя, дознавателя или в суд и при этом достичь необходимой степени изоляции лица в пределах жилого помещения, а также применять к подозреваемому или обвиняемому больший круг обязательств, нежели домашний арест [2, с. 167].

В настоящее время в практической деятельности продолжают возникать проблемы и при применении и осуществлении контроля уголовно-исполнительной инспекцией за мерой пресечения в виде домашнего ареста [4, с. 20]. Так, явка подозреваемого или обвиняемого на следственные и процессуальные действия обеспечивается уголовно-исполнительной инспекцией, а, как правило, на один филиал уголовно-исполнительной инспекции выделяются одно транспортное средство и сотрудник, контролирующий подозреваемого или обвиняемого по установленному судом месту проживания. Однако в случае назначения следственных действий на одно и то же время в разных местах нескольким подозреваемым или обвиняемым, которым судом избран домашний арест, это существенно затрудняет обеспечение их доставки.

Практические работники отмечают, что доставка подозреваемых или обвиняемых, которым избран домашний арест, соотносима с бесплатным «государственным такси» и существенно затрудняет деятельность уголовно-исполнительной инспекции, особенно в случае неисправности транспортного средства. Возложение же обязанности на подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться на следственные действия не представляется возможным, так как ст. 108 УПК РФ определяет домашний арест как

«нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении», тем самым самостоятельное следование к месту проведения следственных действий не обеспечит такую изоляцию. При этом нарушение условий меры пресечения в виде домашнего ареста подозреваемым или обвиняемым не всегда является основанием для его замены судом на заключение под стражу. Так, суды помимо допущенных нарушений учитывают состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого, а также его явку на следственные или судебные действия и указывают на отсутствие оснований для замены домашнего ареста на заключение под стражу ввиду состояния здоровья (например, постановление суда по делу № 1-424/19 от 03.06.2019, г. Псков), тем самым уголовно-исполнительная инспекция не имеет должных мер воздействия на подозреваемых или обвиняемых, так как указанная деятельность по контролю за мерами пресечения несвойственна уголовно-исполнительным инспекциям. Представляется целесообразным расширить взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел и предусмотреть соответствующие показатели их совместной деятельности по контролю за мерами пресечения.

Библиографический список

1. Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 117–123.
2. Новикова Е. А., Черкасова Е. А., Лакеева Е. В. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе // Социальные и политические науки. 2018. № 3. С. 165–167.
3. Орлов А. Е. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5(31). С. 48–51.
4. Петровских А. С., Смахтин Е. В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 19–25.